

nic i při všelikém vytváření nových, mezních oborů. Úkoly, které Koškova stať implicitně obsahuje, jsou vsutku olbřímí — a to je dobře.

Stati **Soni Lesňákové** (*Slovenské preklady z ruskej literatúry v období realizmu*), **Márie Kusé** (*Preklad v geopolitických súvislostiach* — viz její monografii), **Soni Paštekové** (*Vývinové paralely slovenského a ruského expresionismu* — viz její recenzovanou monografii), **Jána Jankoviče** (*Podiel dolnozemskej Slovákov a na Slovensku žijúcich Čechov na slovenských prekladoch z chorváčtiny*), **Evy Maliti** (*Politická normalizácia a preklad*) a **Poláka Piotra Fašta** (*Kritická recepcia a preklad ruskej literatúry v Poľsku v povojnovom období*) jen potvrzují nezbytí metodologických změn v literárněvědné slavistice a celé literární vědě ve smyslu vzniku nových subdisciplín mezního charakteru. Nové slovenské práce mají profilový charakter svědčící o nové vývojové fázi. Vůbec lze konstatovat, že na Slovensku se věnuje literární vědě větší pozornost než v České republice, že je tam fungující literárněvědná komunikace, která v Českých zemích trpí záměrnou izolací diskurzních skupin, do níž se promítají rezidua osobních a politických hledisek. Proti do sebe svinutým, sebestředně spekulativním dílům české literární vědy stojí otevřená, hledačská struktura recenzovaných publikací. Nobody is perfect: kdo hledá, může se mýlit, kdo se nestěťává, má vždy pravdu. Za řekou Moravou vyrůstá nová generace slavistů, která chce literárněvědnou slavistiku dělat jinak, nově, ale současně v návaznosti na literárněvědné tradice.

Ivo Pospíšil

МОНОГРАФИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА

Mária Rév: *Csehov századfordulója*. Universitas Kiadó, Budapest 1995, 255 s.

В своей книге М. Рев суммирует результаты исследований творчества Чехова и добавляет ценные, самостоятельные замечания к ним. Произведения Чехова автор рассматривает в аспекте мирового литературного процесса, постоянно подчеркивая связь Чехова с европейскими писателями эпохи Мопассана, Ибсена, Золя, показывает отношение Чехова к философии в России, к Толстому, к Достоевскому. В отличие от традиционного анализа творчества Чехова, автор книги доказывает, что между рассказами, повестями и драматическими произведениями Чехова имеется тесная внутренняя связь. Эти стороны писательского творчества автор рассматривает в органическом единстве, показывая их многоаспектность.

Книга содержит много текстов из Чехова, которые на венгерском языке до сих пор еще не печатались. Автор ограничивается анализом только ключевых произведений, определяющих искусство Чехова. В этих ключевых новеллах и драмах автор монографии обнаруживает, раскрывает много новых оттенков в содержании творчества Чехова.

В книге *Чехов на рубеже веков* раскрывается связь и таких произведений, которые во времени и пространстве находятся далеко друг от друга. Однако, если смотреть на творчество Чехова как на одно целое, то вполне можно увидеть то общее, что у Чехова каждый оттенок, каждая деталь играет очень важную роль в произведении — именно это и создает целостность всего творчества Чехова. Чехов исследует возможности маленького человека, психические и моральные различия в его поведении.

М. Рев анализирует технику построения текста в чеховских произведениях, указывает на то, что Чехов сознательно создавал ёмкие образы, составлявшие характерную черту его произведений. В рассказах *Палата № 6*, *Черный монах* можно

увидеть выражение типической чеховской ёмкости персонажа. Детализируя явления и действия, Чехов достигает глубокого раскрытия человеческого характера. В своих произведениях он оказывает сильное влияние на читателя, создавая ассоциации и богатые возможности для размышления, побуждая к анализу взаимоотношения личности и общества, к тому, чтобы читатель сделал собственные выводы. Много-ступенчатое построение новеллистики Чехова, наиболее явно обнаруживаемое в рассказе *Скрипка Ротшильда*, контрастное изображение действительности — все эти изобразительные возможности Чехов обогащает и развивает в своем творчестве. Поиски путей в жизни характеризует все русское общество конца прошлого столетия. Это отражается и в творчестве Чехова, и не только в его произведениях, но и письмах. В рассматриваемой книге автор доказывает это, анализирует рассказ Чехова *Студент*.

У Чехова истинность и красота — самое важное в человеческом существовании. У Достоевского и Толстого нравственность тоже стоит в центре внимания. Но нравственность у Чехова обогащается. Он считает, что кроме этики сюда относится и эстетика. Чехов, таким образом, ставит новые вопросы в литературе конца девятнадцатого столетия. Это — нравственное поведение человека, значение мышления для человека, его внутреннее действие, которое выражается не в трудных, героических, страстных поступках, а в повседневных человеческих радостях, гармонии, горе, страданиях, чистоте, нравственной порядочности, что совсем не требует от человека аскетической жизни, аскетического существования. Во взглядах Чехова выражается современное ему восприятие жизни, отличающееся не только от толстовского поведения, но и от одностороннего мышления народников, от меланхолии аристократов. Чехов самой важной ценностью считает красоту, которая содержит в себе и категорию нравственности. Он говорит, что красивым может быть только чистое и человеческое.

Определенная система образности имеет место в больших драматических произведениях, которыми Чехов стал всемирно известным и которые до сих пор ставятся на сценах театров мира. *Чайка, Три сестры, Дядя Ваня, Вишневый сад* составляют ту группу драматических произведений Чехова, которые стали всемирно известными. В драме *Чайка* Чехов впервые раскрыл и декларировал своё драматургическое мышление. Новое построение диалога характеризуется тем, что каждый из героев говорит о своем чувстве, следующий герой продолжает этот разговор, используя в качестве мотивации то, что сказано до него. Один монолог переходит в другой, монологи перекрещиваются друг с другом. По мере того, как уменьшается динамизм действия на сцене, повышается динамизм внутреннего содержания монолога. То же самое наблюдается в произведении *Дядя Ваня*. В то время как на сцене почти ничего интересного не происходит, в душе героев происходят важные события. Эта трагедия в своем восприятии отличается от традиционного восприятия трагедии. Положительные герои, такие, как дядя Ваня, осознавая, что они не могут никак изменить свое положение (это характерно для всего русского общества, опасавшегося становления буржуазии в России), занимаются только самоанализом и не способны к действию. Текст драмы характеризуется типическим чеховским диалогом — так называемым *монологическим диалогом*, когда герои высказываются о себе; эти высказывания надстраиваются друг на другом, создают единый монолог, передающий настроение тупика у героев. Мотив *бегства из жизни* изображается и в *Вишневом саду*. Гибель дворянских усадеб — не новая тема в русской литературе. Но Чехов заново показывает человека, оказавшегося без почвы под ногами. Он раскрывает мышление героев эпохи, когда старые идеалы уже не существуют, а новые ещё не сложились. Безразличие человека ко всему создает мотив *бегства* его от действительности. Каждый герой посвоему выбирает этот

путь. Чехов в своем последнем произведении занят поисками сущности бытия человека. В *Вишневом саду* много символов; сам вишневый сад — больше, чем символ, это эмблема, знак определенной действительности, говорящий о новом начале, о необходимости обновления, о возвращении к действительности в новых условиях.

Монография М. Рев дает верную картину того, как Чехов, представитель русской литературы, стал самым европейским писателем. М. Рев уделяет внимание анализу венгерских переводов Чехова. Специально она говорит о переводческих находках Ш. Лани, К. Сёллэши, Э. Г. Девечерине, А. Тот и даже Д. Костолани. Через переводы весь мир узнает от Чехова о русской душе, о русском существовании, а одновременно и о всеобщих человеческих проблемах; Чехов помогает нам в познании и решении этих проблем.

Специально подчеркнем, что монография *Чехов на рубеже веков* М. Рев занимает важное место в исследованиях творчества Чехова. Венгерский читатель положительно оценит эту работу, потому что в ней анализируется не только русская культура в узких рамках конца прошлого века, но и европейское значение писательского творчества Чехова, общечеловеческие основания и ценности этого творчества, показывается, как в писательском поведении Чехова обнаруживается самопознание человека, внутренняя работа над своей личностью, сильная воля — всё то, что побуждает нас к тому, чтобы наше существование определяли человечность, этика и эстетика, улучшающие личность человека.

Э. Ч. Йонау (BGYTF, Nyfregyháza)

PRŮŘEZ NÁZORY VYNIKAJÍCÍHO KOMPARATISTY

Milan Gjurčinov: *Komparativni studii*. MANU, Skopje 1998, 334 s.

Kniha obsahuje studie, referáty a úvahy, které M. Gjurčinov v posledním desetiletí přednesl na domácích a mezinárodních vědeckých konferencích, sympoziích a sjezdech. Přesto tvoří obsahově homogenní celek. Je rozdělena na dvě části: teoretickou a aplikační. Autor v sobě nezapře vynikajícího znalce ruské a francouzské krásné i odborné literatury. Jeho teoretické výklady jsou inspirovány výsledky světové literární vědy, zejména dílem M. Bachtina, J. Lotmana, R. Wellka, J. Kristevové, J. F. Lyotarda a několika dalších francouzských literárních teoretiků a metodologů a samozřejmě pracemi D. Đurišina a jeho slovenských i českých spolupracovníků.

K četným originálním myšlenkám, teoretickým, kritickým aj. modelům, které se v našem století zrodily, rozvinuly nebo pouze „blýskly“ (počínaje např. Jaussovou teorií recepce, Derridovou „grammatologií“ až po postmoderní teorii intertextuálnosti a Todorovovu „dialogickou kritiku“), se autor vyslovuje s uznáním i kriticky, interpretuje je, zamýšlí se nad jejich podstatou, nad jejich přínosem, doplňuje je o vlastní poznatky a pokouší se o jejich konkrétní aplikaci v podmínkách především své národní literatury. Hledá důvody pro rozlišení recepce od vlivu a naopak i podstatu současné komparatistiky, vyzvedá D. Đurišina za jeho „systematiku literárního procesu“ a jeho spolupracovníky za jejich práce o balkánském meziliterárním společenství.

Ve studii nazvané *Michail Bachtin a kořeny intertextuálnosti* velmi výstižně ukázal, jak J. Kristevová „přejmenovala“ Bachtinův termín intersubjektivnost na intertextuálnost. Dále podrobně rozebral některé Bachtinovy základní myšlenky a srovnal je s novými teoretickými postuláty. Gjurčinov se dále mj. domnívá, že by některé Bachtinovy teoretické vývody v rámci problematiky intertextuálnosti mohly být v daném období inspirativní, zvláště pro makedonskou literárněhistorickou vědu a kulturu vůbec. Jde o důležitou otázku tzv. *kulturního pluralismu*, který by mohl být, jak se správně M. Gjurčinov domnívá, jedním z klíčů k objasnění a řešení mnoha